

Никита Мицкевич

a_kurei@mail.ru

Н Е Б О

Действующие лица: НИКИТА, ОЛЕНЬКА, ВАНЯ, ОЛЕГ, ФЕДЯ, ЛЕНА. А ТАКЖЕ ЧИНОВНИКИ И ХУДОЖНИКИ (МОГУТ ИГРАТЬ ОДНИ И ТЕ ЖЕ АКТЁРЫ ИЛИ АКТЁР), ТАНЦУЮЩИЙ.

АКТ 1.

I.

Типичное старое советское кафе. Вдруг врываются какие-то люди, всё крушат. Несколько минут – и от кафе остаются только развалины, которые покрываются паутиной времени и запустения... Входит Никита Мицкевич.

Никита. Честно говоря, ненавижу, когда спектакль или фильм начинается с голоса или монолога героя. Как-то это нелепо... Особенно, если при этом несут какую-нибудь чушь, типа: «Это было самое обычное утро». Или: «Я как-то решил ответить себе на вопрос, почему мужчины всё время думают о сексе»... Ненавижу открытый театр. Это когда актёр обращается прямо к зрителю, «как бы ведёт диалог», подмигивает... Подонок. Заигрывает. А ещё не дай бог в зал выйдет, начнёт приставать... Животное. Честное слово, убил бы. Кого он хочет обмануть? Я пришёл в театр, заплатил деньги, и хочу, чтобы мне показали там Островского или Чехова, а не дебилно заигрывали со мной. Правильно, и сам так делаю. Почему? Особенность белорусского менталитета. Здесь многие делают совсем не то, что хотят. Меня зовут Никита, фамилия Мицкевич. Благородная фамилия. И я здесь для того, чтобы рассказать историю. Просто правдивую историю, без выкрутасов, без модернизмов, авангардов... Мою историю и историю моего Неба.

II.

В подвал влезает Ваня и Оленька.

Никита. Это Ваня. Ваня Гринько – мой друг. И Оля, Оленька, как её все называют. Тогда они нашли это место... (*Уходит*).

Ваня. Осторожно, Оленька. Под ноги...

Оленька. Темно.

Ваня. Сейчас глаза привыкнут.

Оленька. Мне кажется, я уже начинаю видеть. Ой... (*Спотыкается*).

Ваня. Осторожно. Не ушиблась?

Оленька. Нет. Где мы?

Ваня. Ты здесь никогда не была?

Оленька. Нет.

Ваня. Тут раньше было кафе – «Солнышко». Молочное... Я здесь всё детство провёл.

Оленька. В такой грязи?

Ваня. Да нет же... Тогда кафе работало, и мы все туда ходили. Всем двором. Коля, Андрюшка – мармелад, Вичка и я... Помню, каждую субботу берёшь рубль у мамы и в «Солнышко», есть мороженное...

Оленька. А сколько тебе было?

Ваня. Лет семь, наверное.

Оленька. Есть мороженное...

Ваня. Пломбир развесной, из большого целлофанового мешка, -- на зубах хрустит. Промёрз потому что. Лёд корочкой... И сверху сладкий-сладкий клубничный сироп. Аж скулы сводит, такой приторный... А потом всё закрылось...

Оленька. Почему?

Ваня. Не знаю, наверное, детство кончилось...

Оленька. Ваня.

Ваня. А?

Оленька. Ваня, зачем ты меня сюда привёл?

Ваня. Так...

Оленька. Просто так?

Ваня. Ну... да.

Оленька. Может, не просто так? Может, ты чего-нибудь хотел ещё?

Ваня. Чего?

Оленька. Когда сюда меня вёл? Ничего не хотел?

Ваня. На рубашку пятно посадил. От компота... Пил и облился. Ты красивая...

Оленька. Надо замыть. Сердце обмануть нельзя, сердце всё понимает. Я знаю... Боишься?

Ваня. Чего? А... Нет. *(Пауза)*. Боюсь...

Оленька. Какой ты смешной, Ваня! *(Начинает смеяться)*.

Ш.

Входит Никита.

Никита. В общем, мы и оглянуться не успели, как бывшее молочное кафе «Солнышко» на родном Партизанском проспекте города Минска, где в своё время эпикурейски объедался хрустящим пломбиром Ваня Гринько, стало нашим прибежищем, базой и логовом. Местом наших таинственных встреч. *(Входит Олег.)* О, Олег, привет...

Олег. Почему всё так?

Никита. Как?

Олег. Бессмысленно.

Никита. Ты у меня спрашиваешь?

Олег. У судьбы. Ты знаешь, я где-то читал, может, у Байрона, что поэт отделён от остального мира непроницаемой стеной одиночества, построенной из кирпичей непонимания.

Никита. Не мог это Байрон написать.

Олег. Почему?

Никита. Он же не идиот.

Олег. Кто написал – неважно. Главное, что это правда. Чистая правда. Был в литературном журнале.

Никита. И что?

Олег. Отдал стихи.

Никита. И?

Олег. И всё. Сказали почитают. Может, напечатают.

Никита. Ну и прекрасно.

Олег. *(С горечью)*. Она положила мои стихи вот так.

Никита. Кто?

Олег. Тётка в журнале. Вот так, понимаешь?

Никита. Нет.

Олег. Она взяла мои стихи и положила их к себе на стол... Вот так!

Никита. Ну взяла же. Не понимаю...

Олег. Почему во всех литературных журналах такие обшарпанные стены? Страшные зелёные обшарпанные стены? Как в больнице. И столы, старые письменные столы.

Никита. Ну, друг мой, чего ты удивляешься...

Олег. Я вошёл и сказал: «Здравствуйте». «Что вам надо?» -- спросила она. «Я – поэт», -- сказал я. Знаешь, мне в последнее время так трудно говорить эти слова – «Я – поэт». Мне кажется, это так глупо звучит. И все смотрят на меня, как на больного. Скажи, это очень глупо звучит, а?

Никита. Да брось. Не сходи с ума...

Олег. А потом я отдал ей свои стихи. А она... взяла... и положила их... вот так!

Никита. Ну и что?

Олег. Но это же не колбаса! Это стихи! Стихи! Как она может бросать их и класть вот так! Дура! Я думал, я ей в волосы вцеплюсь. Взять стихи и бухнуть их на стол... Я вылетел оттуда как ошпаренный.

Никита. Выпей пива.

Олег. Мицкевич, скажи мне правду: ты серьёзно не понимаешь, о чём я говорю?

Никита. Понимаю...

Олег. Я смешон?

Никита. Не жди от меня ответа. Просто пей. *(Пауза)*. У Олега всего одна проблема, зато не решаемая – он родился не в свою эпоху. Ему бы с Данте в Италии про страшный суд писать, а он в Беларуси про тот же страшный суд... А никому не надо! И от этого Олег, как бы это сказать, иногда входит в депрессивное состояние, и если его вовремя не остановить, вводит туда и всех остальных. Для его пропитанных элегиями мозгов – это ничего... Только пишется лучше. А вот для окружающих... *(Олегу)*. Тебе девушку нужно. Добрую, красивую девушку, которая бы мигом вышибла из тебя всю эту дурь.

Олег. Слушай, я написал стихотворение:

Твои волосы – струйки, полосы,
Расплескались – запах яблочный.
Засверкали лишь милые пяточки
Убегающей странной девушки...

Никита. Кто это тебя вдохновил?

Олег. Как ты думаешь, Оленьке понравится?

Никита. Э, брат, куда тебя понесло...

Олег. Только Ване не говори.

Никита. Почему? Побьёт?

Олег. Расстроится.

Никита. Вот так. Так и образовался в нашей компании любовный треугольник. Ваня любит Оленьку и Олег любит Оленьку. А Оленька, будучи созданием чистым и странным, пока хранит тайну своего сердца. Чем, не желая того, слегка мучает своих воздыхателей...

Олег. А где все?

IV.

Появляется Лена.

Лена. Привет, извращенцы.

Никита. Здравствуй... *(Они целуются)*. Где ты была?

Лена. Что за дебилские расспросы. На Марсе.

Никита. А если поточней?

Лена. Зашла на Главпочтамт, позвонила маме в Могилёв.

Олег. Здравствуй, Лена.

Лена. Привет, высокое искусство. Чего рожа кислая?

Олег. Ты действительно хочешь услышать ответ на этот вопрос?

Никита. Думаю, нет.

Лена. (*Никите*). Почему ты эту рубашку одел? Ты как старуха в ней, баба Антя. Там же я новую положила.

Никита. Мне эта нравится. Да и пыльно здесь, чего пачкать.

Лена. Чего пачкать - чего пачкать? Тундра, смотри, рукав стёрся.

Никита. Мелочи... Пива хочешь?

Лена. Хочу.

Никита. Лена, -- это девушка, которую я люблю. Мы встречаемся уже полтора года, и если всё будет хорошо, скоро она ко мне переедет. У неё трудный характер и масса недостатков. Но нам весело и ненапряжно вместе. Она такое творит в постели... (*Звонит мобильный телефон, Лена отвечает*). Да, и она очень любит мобильные телефоны и может в любое время послать на х... (*Лене*). Милая...

Лена. Пошёл на х... (*В телефон*). Нет, ты можешь остаться. Это Федя, он подъезжает.

V.

Появляются Федя, Ваня и Оленька.

Никита. Федя Букман – последний человек нашей небольшой компании. Как он оказался с нами, трудно понять... Проблем у него в жизни не было, кроме, разве что, трёх – он был еврей, богатый и умный. Но, видимо, его это мало тревожило. Так случилось, что папа его был заместителем генерального прокурора. Большая шишка... А мама – владелицей крупной адвокатской фирмы. Вот... И часто получалось так, что когда мамини адвокаты вели в суде дебаты с папой, очень многие вопросы решались на большой семейной кухне к полному удовлетворению клиентов, и исключительно в рамках уголовно-процессуального кодекса... Есть мнение, что Федя Букман тоже должен стать юристом. Впрочем, кем станет Федя Букман – это ещё большой вопрос. Зато дискуссии, которые у нас случались, когда он появлялся, были весьма интересными...

Федя. Депрессия – это состояние не только поэтов, это общее состояние.

Никита. Глупости.

Олег. Нет, он прав...

Федя. Разувай глаза.

Никита. Что вы мне говорите, я хожу по улицам, я вижу нормальные, улыбающиеся лица. Оленька, ты в каком настроении?

Оленька. Нормальном.

Никита. Ваня, а ты?

Ваня. Я в хорошем. Ко мне вчера из Борисова сестра приехала, Таня, ну я показывал вам на фотографиях. Там бабка свинью забила, так она мяса привезла, балыка.

Федя. Потрясающе.

Ваня. Идея. Я приношу балычок, помидорчики, лучок свежий, молодой, укропчик. Купим хлеба, водочки. Посидим... А? Хотите, я вам такой стол сервирую – пальчики оближите? Та-та-та... Оп!

Лена. Пикник в деревенском стиле? Много самогонки, шлепки по заднице, заунывные песни, поножовщина? Чарка да шкварка -- белорусская романтика.

Федя. Никита, честное слово, я считал тебя проникательнее. «Выпьем, закусим, поговорим». Разве не понимаешь, что это и есть самый настоящий депрессняк.

Оленька. Ты имеешь в виду подвал?

Федя. Я имею в виду вообще. Страну.

Никита. Тебе не нравится страна?

Федя. Это идиотская страна.

Никита. И вот тут я не выдержал. Взорвался. Внутри всё всклокотало, вот не могу, когда кто-нибудь такую чушь морозит. И понеслось... Дебаты, без регламента. Часа на полтора. (*Феде*). Проблема в Луке? Всё из-за него?

Федя. Почему? Лука является основой моего семейного благосостояния. Я даже больше скажу, мой отец должен на него ежедневно молиться – и не потому что прокурор, а потому что благодаря Луке в этой стране просто не может быть абсолютно законопослушных людей. Все что-то нарушают. Это рай для прокурора. Если бы отец хотел, мы могли бы стать миллиардерами.

Никита. Не понимаю...

Федя. Диктатура – это режим, при котором или всё время выигрывают, или всё время проигрывают. Так вот мы из первой категории.

Никита. А ты не думаешь, что когда-нибудь и твоего отца, того...

Федя. Что, «того»? Ты хотел сказать, снимут? Вот проблема. Нас примет любая европейская страна. Папа выбрал Лондон...

Лена. Что значит, выбрал Лондон?

Федя. Рано или поздно отца уволят. И тогда мы уедем в Лондон.

Олег. Зачем?

Федя. Заниматься проблемой нарушения прав человека в Беларуси. У нас ведь всегда так: сначала нарушаешь права, затем занимаешься проблемами их защиты. Впрочем, иногда и наоборот.

Лена. Всё, хватит. Ваш спор бессмысленный. Неужели не о чем больше говорить? Например, моя новая причёска...

Ваня. Да, о политических вещах лучше помалкивать. Мало ли что... Вот я лучше за продуктами слетаю.

Никита. Но ведь это подло...

Федя. Как и всё, что здесь делается. А чего ты ждал?

Никита. Мне нечего было на это сказать. Я всё равно был не согласен. Если так рассуждать, тогда надо просто устроить массовое самоубийство. Он слишком субъективен, и слишком много знает о том, что там, наверху...

VI.

Лена. Я хочу поступать в театральный.

Никита. Что за новость, а как же филфак?

Лена. На х... Не хочу быть училкой. Чему я могу научить детей? Да и не с моей хрупкой комплекцией... Вон Верка была на практике, так её чуть не изнасиловали. Первый вопрос новой учительнице: «Ваш телефон? Любите ли вы сауны?»

Никита. Это, наверное, была не очень престижная школа.

Лена. Восьмой класс... Ты же не будешь со мной на каждый урок ходить.

Оленька. А когда ты хочешь поступать?

Никита. Да не будет она никуда поступать...

Лена. Буду! Буду, вот назло тебе буду. Может быть, я хочу стать великой актрисой. У меня есть все задатки.

Никита. Хорошо, как хочешь. Хоть в цирковое... Я тебе что, мешаю?

Лена. Мы с Оленькой пойдём.

Оленька. Нет.

Лена. Что, нет?

Оленька. Я не пойду, Лена.

Лена. Чего? Не бойся. Пошли. Там нет ничего страшного. Говорят, в этом году набирает какой-то дядька из Купаловского театра. Говорят, прикольный. Мне написали список его спектаклей. Так что, Никита, будем ходить, общаться к театру.

Никита. Будем, будем... Посмотрим, на сколько тебя хватит.

Олег. У меня есть стихотворение про театр.

Страсти белыми холстами, —

Театр!
 Чёрный мавр душит бабу;
 Хилый Гамлет уж отравлен —
 Этот театр между нами...
 Браво!

Никита. После поэтического отступления, стало ясно, что вечеринки нам сегодня не избежать. Мне было хорошо. Со мной была любимая девушка, в голове приятно гуляли винные пары, вокруг были друзья. В какой-то момент я даже почувствовал себя счастливым... Но... Всё-таки какая змея этот Букман. Мерзавец, как он мог так мне душу растравить...

Лена. Я буду играть Настасью Филипповну! Мне взобьют волосы, я буду бросать в огонь пачки денег... А ты Аглаю. Это будет самая трогательная Аглая в истории театра... А Олега возьмём на Мышкина. Пойдёшь, князь?

Олег. Конечно, конечно...

Лена. А Федя будет Порфирием Петровичем.

Федя. Так это же из «Преступления и наказания».

Лена. Да хоть из Буратино. Это будет новая интерпретация! В Москве все с ума будут сходить. Никита, будет Рогожиным. У него даже сейчас какой-то безумный блеск в глазах! (*Смеются*). Я чувствую, это будет мюзикл!

Ваня. Держись, Купаловский театр! У!

VII.

Никита. Федя, ты что, хочешь просто признаться в своём бессилии.

Федя. Брось... Будь реалистом. Мы все каждый день только и делаем, что признаёмся в бессилии. Ну подумай сам, ну что ты можешь?

Никита. Я могу всё.

Федя. Что всё?

Никита. Но Лука же не стоит надо мной и не смотрит, как я застёгиваю ширинку. Или что я ем...

Лена. И что мы пьём!

Федя. А зачем? Он просто колхозник, дорвавшийся до власти. Ему наплевать на тебя, меня, на Олега наплевать, на всех нас. Но он создал что? Систему! Ещё текилы? Я себе налью, простите, не смог удержаться купил... В винном отделе просто себя не контролирую. Оленька, тебе нельзя. Я тебе лучше вина, где вино? Вот... Молодёжь спивается, никому нет дела...

Лена. Хватит хохмить. Всё невинно, как у младенцев... По-моему, у меня где-то был косяк.

Федя. Так вот, он создал систему, которая без разрешения не даст тебе сделать ничего — ничего, кроме как застегнуть ширинку и съесть свой нормированный завтрак.

Никита. И что это значит?

Федя. Это значит, что ты из тех, кто в этой системе всё время проигрывает.

VIII.

Все спят. Никита сидит. Встаёт Оленька. Ей плохо, и она идёт к туалету, натывается на Никиту.

Никита. Что, не спится? (*Оленька кивает*). Плохо? (*Оленька кивает*). Ничего... Может, тебе водички? (*Оленька отрицательно кивает*). Ну смотри. А я вот сейчас сижу и думаю:

пьян я или не пьян? *(Оленька кивает)*. Пьян? Ну уже не так как раньше. Хм, хоть пьян, а заснуть не могу. Не идёт сон и всё. И ты знаешь, о чём я думаю? *(Оленька отрицательно кивает)*. О звёздах. Они сияют... Ночью. Зимой. В деревне они сияют ярко-ярко... Как иглы! Колются... Ты звёзды видела? *(Оленька кивает)*. И ты – один, а их – миллиард. Или даже сто миллиардов. И каждая из них в миллиард раз больше тебя. Представляешь? Какой кошмар... Выходит, ты почти ничто. Малюсенький, микроскопический... И городишко твой – ничто. И страна, и планета. И солнце даже – ничто. *(Пауза)*. К чему я это всё? *(Оленька пожимает плечами)*. Не знаешь? *(Оленька отрицательно кивает)*. Я к тому, что нельзя... Понимаешь, нельзя. *(Оленька кивает)*. Что нельзя?

Оленька. Не знаю.

Никита. Так дальше нельзя. Глупо. Пусто. Проблемы какие-то глупые... Какой Лукашенко, когда тут такое? Звёзды... Чудо... Кто он рядом с этим? Пыль. Ничто. Зачем мы сегодня пили? *(Оленька пожимает плечами)*. Мир большой... Мир очень большой. Огромный. Красивый. И он останется таким, чтобы не произошло со мной, с тобой, с всеми... Я ещё не заговорил на древнекитайском? *(Оленька улыбнулась)*. Ты не думала над этим? *(Оленька отрицательно кивает)*. Нет? Подумай. Только на трезвую голову. Знаешь, в чём проблема? *(Оленька отрицательно покачала головой)*. На этой планете слишком много людей. Нас очень много. С ума можно сойти сколько нас. Идёшь по улице, в метро, а вокруг – люди. И у каждого, своё дело, своя проблема, своя тайна. У каждого... Столько тайн. А у тебя ведь тоже тайна. И ты не знаешь о них ничего, а они ничего не знают о тебе... Ничего. Жуть... Ты знаешь что сейчас у меня в голове? *(Оленька отрицательно кивает)*. Ничего. Сплошные общие места... Такое кладбище банальностей. А я не знаю, что у тебя... Не представляю. Странно? *(Оленька кивает)*. Слушай, как тебе плохо. Тебе так плохо, а я тебе какие-то глупости. Я тебя не напрягаю?

Оленька. Нет.

Никита. По-моему, ты единственный человек во всей вселенной, которого я не напрягаю. *(Оленька кивает)*. Хотя тебе и так плохо... Федя мне душу растравил. Нельзя так... Он же никогда не смотрел на звёзды. Кроме тех, что на погонах... Это ужасно, если он окажется прав. Нельзя... Нельзя... Хорошо разговариваем. *(Пауза)*. А я тебя возьму и поцелую, хочешь? *(Оленька думает, затем кивает. Он приближается, но её начинает подташнивать. Она убегает)*. Даже её от меня тошнит. *(Выходит сонная Лена)*.

Лена. Дебил, пошли спать...

Никита. Не спиться мне что-то.

Лена. Пошли, пошли, а то мне одной холодно. Погреемся.

Никита. *(Встаёт)*. Грелка готова к работе. Лена, скажи, тебе нравится так проводить время?

Лена. Отлично провели, ты что. Если бы не бодун на утро. Мне от вина так голова болит.

Никита. У меня, кажется, уже бодун. *(Она целует его)*.

Лена. Не грусти, ковбой, твоя мамаша с тобой, она не даст тебя в обиду.

Никита. Да нет, я не грущу...

Лена. Чего-нибудь хочешь?

Никита. Того же, что и ты...

Лена. *(Целует его)*. В эту лунную ночь мы станем одним целым.

Никита. Так ведь луны нет...

Лена. Где-то она наверняка есть. *(Они уходят. Стоит Оля и вытирает губы. Из темноты доносится негромкий голос Олега)*.

Ты чувствуешь,
Небо сегодня такое большое
Тебя обнимает... Цветы василисков —
То звёзды на сфере той.
И капельки грусти,

Как будто кометы
В песках аравийских, —
Их небо роняет
На твой простодушный покой.

IX.

Никита. Утро принесло предсказанную головную боль и запах перегара. С утра всегда тяжело... Что я ночью делал? Точно не помню, но почему-то стыдно. Самое ужасное ощущение, когда тебе стыдно, а ты не можешь сформулировать за что именно.

Лена. Оленька, дать активированного угля?

Оленька. Ага.

Никита. (*Феде*). Хорошо, что ты предлагаешь? Свергнуть его? Как? Выйти на баррикады?

Федя. Я никогда не ходил на демонстрации.

Никита. Почему?

Ваня. Кто будет кофе?

Лена. Мы? И покрепче, ладно? Пусть будет чёрным, как нефть.

Федя. По трём причинам. Во-первых, это бесполезно. Во-вторых – опасно. В-третьих, -- уныло. Более безрадостное зрелище, чем митинги белорусской оппозиции трудно себе представить.

Лена. А чему им радоваться?

Ваня. Оленька, съешь бутербродик.

Оленька. Не хочу.

Олег. Я ещё немножко полежу, ладно? Что-то я не выспался...

Федя. Я просто не хочу заниматься бессмысленными вещами.

Никита. А просто сидеть, ни хрена не делать, плевать на всё и прогуливать родительские деньги – это по-твоему полезное занятие?

Ваня. Никита, ну что вы с утра пораньше. Давайте, давайте, лучше кофеёчку горяченького. Бутербродики. Это на голодный желудок у вас такие разговоры полезли...

Никита. Нет, Федя, ты ответь.

Лена. Никита, что ты как извращенец какой-то, с утра о политике. Господи, я выгляжу, как помятая сковородка... Какие мешки под глазами, можно сниматься в немом кино.

Федя. Честное слово, Никита, неужели тебе надо объяснять такие вещи? Эта страна – зародыш. И люди здесь должны вести себя как зародыши. Присосаться пуповиной к государству и не рыпаться. Умереть не дадут. Вырасти тоже. Зародыши, понимаешь?

Никита. По-правде говоря, меня бесил его уверенный и спокойный тон. Он говорил чудовищные, страшные вещи, с таким видом, как будто рассказывал как пройти в туалет. Стоик, белорусский... И при этом я знаю, что на самом деле ему не всё равно. Что на самом деле, он человек равнодушный. Эти масочки, эти манерки – только внешний антураж... (*Феде*). Если кто-то хочет быть зародышем – ради бога. Я не хочу. Я не хочу больше сидеть здесь, как крот, и тупо говорить ни о чём.

Федя. А я не хочу делать флюорографию, чтобы учиться в университете. Потому что это маразм, делать флюорографию, чтобы изучать правоведение. А приходится! Маразм – это необходимая составляющая нашей жизни. Все с ней мирятся... И ты тоже.

Никита. Да... Но... Слушайте, у меня есть идея.

X.

Никита. Мы откроем клуб.

Лена. Где?

Никита. Здесь.

Ваня. Какой клуб?

Федя. Юных натуралистов, вероятно.

Ваня. А причём здесь мы к юным натуралистам. У нас ведь и животных нет...

Лена. Почему? А баран...

Никита. Давай на спор. На спор. Пари, что я открою здесь, в этом чёртовом подвале клуб. Давай пари.

Федя. Да ради бога. Только я выиграю.

Никита. Посмотрим...

Лена. Слушай, Никита, хватит. Уже не смешно. Где ты клуб собрался открывать? Пост-алкоголический синдром...

Никита. Лена, ты дура, да? Я о серьёзных вещах пытаюсь поговорить. Наконец-то. Я тебя прошу, просто помолчи пять минут... Хорошо? Слушайте, ну как вы не понимаете. Есть здесь Лукашенко, нет здесь Лукашенко – не можем же мы только сидеть, напиваться и кряхтеть, как старые бабы! Я предлагаю сделать что-нибудь настоящее. Вместе. Настоящее!

Федя. А деньги?

Никита. Ты одолжишь.

Федя. Я?!

Никита. А что, тебе жалко?

XI.

Никита. Олег, не вижу энтузиазма, надо придумать что-нибудь для тебя.

Олег. Не знаю... Честно говоря, не по мне всё это...

Никита. Почему не для тебя? Именно для тебя! Это же будет арт-клуб. Белорусский продвинутый арт-клуб. Вот и будешь читать свои стихи. Понимаешь, что это значит?

Олег. Что?

Никита. К чёрту эти литературные журналы! В жопу их! И суку эту, которая полапала твои стихи, -- туда же. Всё, тебе не надо будет к ним ходить...

Олег. Правда?

Никита. Конечно! Если что-то делать, то делать ради тебя, ради таких как ты, ради нормальных, талантливых людей, которые не нужны никому. А их ведь много, даже в Минске их пруд пруди. А ради тебя я это делаю в первую очередь. Ну давай, скажи сам...

Олег. Что?

Никита. В жопу эти литературные журналы.

Олег. Нет, я не могу.

Никита. Давай, давай. Тебе станет легче.

Олег. Не могу...

Никита. Серьёзно. В жопу. Ну!

Олег. *(Тихо и неуверенно).* В жопу...

Никита. Ну что, чувствуешь, -- лучше.

Олег. Да... В жопу. Хм. В жопу её! В жопу!

Никита. Отлично. Молодец. Правильно...

Олег. В жопу!

Никита. А это уже много... *(Олег открывает рот).* Достаточно. Итак, у нас новости: группа странных молодых людей открывает в Минске, на Партизанском проспекте в подвале дома номер 113 ночной артистический клуб. Вот так...

XII.

Никита. Вот так... Ещё утром мы были группой банальных приятелей и собутыльников, с не очень свежим дыханием, болезненными ощущениями в головах и размытыми

перспективами. И вдруг мы уже команда. И я во главе... С чего начинается любое бизнес-предприятие? Понятно с чего... С названия.

XIII.

Лена. Тусовка.

Оленька. Чёрная кошка.

Федя. Мимикрия.

Ваня. Огород.

Лена. Доступ.

Олег. Невыносимая лёгкость бытия.

Оленька. Плакса.

Ваня. Пиллюля.

Никита. Нет! Всё не то... Не то...

Лена. А если попробовать что-нибудь медицинское?

Оленька. Простуда?

Ваня. Саркома.

Федя. Сифилис.

Никита. Bravo. И кто туда будет ходить? Люди в белом. Представляю себе афишу: с 22.00 в клубе «Сифилис» анатомический театр. В программе – студенты Мединститута с индивидуальными номерами... Гвоздь программы – группа «Атипичная пневмония», Диджей СПИД и стриптиз-пробирка...

Лена. Нет, это должно быть что-то модное. Что-то такое, что бы цепляло...

Ваня. Репей.

Федя. Смешно.

Лена. Цепляло, а не цеплялось.

Оленька. А может быть попробовать что-нибудь белорусское, национальное. Мы же здесь живём...

Федя. «Харошки», «Куток», «Снапок»?

Ваня. Может, просто «Якуб Колас».

Никита. Почему Якуб Колас?

Ваня. Мы его в школе проходили.

Олег. Кошмар.

Ваня. Почему?

Олег. Это просто чудовищно... Он же плохой поэт.

Ваня. А нам говорили хороший. Мы даже наизусть его учили.

Олег. Ну нельзя, нельзя так позориться... Тогда там нельзя читать стихи.

Никита. Нет, нет, нет. Никаких Коласов, мы же не библиотеку открываем. Ещё предложения есть? (*Пауза*). Нет... Ясно. (*Длинная, тяжёлая пауза*). Вот, так и хоронятся великие начинания. Одуреть... Мы ещё ничего не начали делать, а уже голова болит так, будто три месяца корпели над теоремой Ферма. Я смотрел на их лица, и странная мысль поразила меня: если мы не можем придумать даже названия, что же будет дальше... Я вздрогнул. И вот в этот миг, когда могильный холодок отчаяния пополз под кожей, а мозжечок сжался в орех, как будто голос ангельский осенил этот мир и спас всех нас... Спас меня... Это было чудо, когда в тёмной, мёртвой тишине она сказала...

Оленька. Небо.

XIV.

Никита. Небо... Небо в подвале, небо там, где его бывает. Небо, как мечта, как недостижимая, безбрежная реальность неземной красоты. Небо, как то, что там и не может

быть здесь. Звёздное небо, грозное небо, глубокое небо... Поднебесье. Небосвод. Небеса. Небо... Моё небо на Партизанском проспекте в городе Минске на планете Земля...

XV.

ГОБЛИНЫ

Никита. Итак, началось... Собрав кое-какие бумажки, мы пригласили в нашу обитель первого гоблина. Гоблина звали Сергей Кузьмич, и был он каким-то начальником...

Сергей Кузьмич. Так, так, так....

Никита. Это здесь. Проходите, про это место мы вам и говорили.

Сергей Кузьмич. Ага, ага. Замечательно. Так это же подвал.

Никита. Да, мы же вам говорили.

Сергей Кузьмич. Ага, понятно. Молодцы... Молодцы, ребята. Одно слово – мо-лод-цы. А как вы сюда залезли?

Никита. Ну...

Федя. Да также как, собственно, и вы. Через дверь.

Сергей Кузьмич. Прекрасно. Очень хорошо... Это я понимаю. А что, было не заперто?

Федя. Заперто.

Сергей Кузьмич. А вот это нехорошо. Двери заперты, а вы... Нехорошо.

Никита. Мы же просто...

Сергей Кузьмич. Всё равно, без спросу – нехорошо.

Никита. Спрашивать не у кого.

Сергей Кузьмич. А это не имеет значения. Никакого значения. Закрыто – значит, закрыто. Значит, кто-то закрыл. А вы... -- и залезли... Непорядок.

Никита. Именно поэтому мы и здесь.

Сергей Кузьмич. Да?

Никита. Мы и хотим всё здесь привести в порядок. Подумайте, только подумайте – откроется клуб. Каждый вечер будет играть хорошая живая музыка, звучать стихи...

Сергей Кузьмич. Очень хорошо.

Никита. Наконец-то в районе появится приличное, серьёзное заведение. И для людей хорошо, и налоги в казну.

Сергей Кузьмич. Налоги? Ну какой разговор... Какой разговор. Музыка, стихи, приличное заведение. Это я понимаю, серьёзное отношение. Государственное отношение. Государственный подход. Молодцы ребята, мо-лод-цы. Поддержим.

Федя. Поддержите?

Сергей Кузьмич. Ну о чём разговор? Поддержим. Поможем. А как же... Честное слово, ребята, я сяду, ничего? Я помню, в вашем возрасте... А тогда время было другое, вы даже не представляете насколько, мы тоже собирались во дворах, с гитарами, с девчонками... И на всю ночь. Но тогда у нас не было возможностей. А теперь... Вы молодцы, честное слово, хотел бы я чтобы мой сын вот так... Ай, оболтус.

Никита. Так вы считаете это хорошее начинание?

Сергей Кузьмич. Конечно. Мы же не дураки. Мы же понимаем: новая страна, новые условия... Рынок. Молодёжь должна поднимать страну. Мы-то уже своё отвоевали, наша задача простая – не дать разворовать, что ещё не разворовали, для вас что-нибудь сохранить. А дальше вы сами... Так что во всём поддерживаю, всё понимаю.

Никита. (Феде). Вроде, всё идёт нормально.

Федя. Пусть подписывает.

Никита. Так вы подпишите нам разрешение?

Сергей Кузьмич. О чём речь? Безусловно. Видно, что вы ребята серьёзные.

Федя. Вот бумага, вот здесь нужна ваша подпись.

Сергей Кузьмич. Ага. Очень хорошо. Чёрт, ручку забыл...

Федя. Вот.

Сергей Кузьмич. Спасибо. (*Сергей Кузьмич берёт ручку, смотрит бумагу. Готовится подписать, и вдруг...*) Вот незадача.

Никита. Что такое? Проблемы?

Сергей Кузьмич. Нет, нет, никаких проблем. А вы к Ольге Ивановне не подходили?

Никита. К какой Ольге Ивановне?

Сергей Кузьмич. Как? Что значит, какая Ольга Ивановна? Зам начальника департамента бытового обслуживания.

Никита. Подождите, при чём здесь бытовое обслуживание?

Сергей Кузьмич. Надо, надо, ребята. Таков порядок. Без визы Ольги Ивановны неудобно.

Никита. Так вы же даёте разрешения.

Сергей Кузьмич. Я и дам. Дам. За мной дело не станет. Считайте, что оно у вас уже есть. Я дам... А Ольга Ивановна – это так, формальность. Она подпишет не глядя, она такая милая женщина, вы сами увидите. А потом сразу ко мне. Слушайте, а танцы кому за сорок у вас будут?

XVI.

Никита. Видимо, Сергей Кузьмич никогда не видел Ольги Ивановны. Потому что вместо милой женщины, нас встретила горгулья в юбке с лицом похожим на барельеф. Она сказала, что плевать хотела на Сергея Кузьмича и, почему-то, на Олега Олеговича.

Ольга Ивановна. Я ничего не подпишу, пока вы не соберёте одиннадцать согласований в девяти инстанциях.

Никита. Но...

Ольга Ивановна. Будьте вы все прокляты!

Никита. Очень скоро мы ощутили буквальный смысл напутствий Ольги Ивановны. Дантовские круги ада – просто Диснейленд по сравнению с тем, что прошли мы – «звычайные» белорусы в надежде построить своё счастье. А было это примерно так...

XVII.

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

Никита. Иван Сергеевич, можно? Мы по поводу клуба.

Иван Сергеевич. На Партизанском?

Никита. Да.

Иван Сергеевич. Наркоманы?

Никита. Кто? Мы? Нет... Что вы...

Иван Сергеевич. Распустились...

Никита. Что, простите...

Иван Сергеевич. Работы что ли не осталось в стране? Лишь бы бездельничать...

Федя. Мне кажется, вы не очень...

Иван Сергеевич. Я очень! В наше время вас бы всех в армию – портянки стирать, плац драить, картошку чистить, два наряда вне очереди!

Федя. А девушкам тоже вне очереди?

Иван Сергеевич. Тоже! Нет. А девушке на завод. В наше время школа, техникум – и на завод! Швея там, станочница... А то развилось проституток этих малолетних. Чуть что губы раскроят, ноги выставляют, груди наружу...

Федя. Простите, это управление культуры?

Иван Сергеевич. Вы фильм «Девчата» видели? А! А «Королеву бензоколонки»?

Никита. Если не ошибаюсь, там девушка хотела учреждение облагородить, кафе открыть...

Иван Сергеевич. Ну так это же Румянцева была! И не в подвале она для проституток и наркоманов притон открывала, чтобы мафиозные деньги отмывать.

Федя. Да, это управление культуры.

XVIII.

Никита. Дальше больше...

УПРАВЛЕНИЕ НЕДВИЖИМОСТЬЮ

Никита. Простите, нам бы справку о помещении. У Инны Станиславовны...

Инна Станиславовна. Проходите, ребята, проходите.

Никита. Это по поводу клуба... На Партизанском, нам только справку...

Инна Станиславовна. Понятно. Ребята, а вы в бога верите?

Федя. Что, простите?

Инна Станиславовна. Вы помещение своё освящали?

Никита. Мы, ну...

Инна Станиславовна. Обязательно надо освятить. Я сначала не верила, думала это так, формальность. Ребята, не надо с такими вещами шутить.

Никита. Мы не шутим.

Инна Станиславовна. Не надо шутить... Без бога там дьявол может поселиться. Знаете, маленький такой, маленький... И шкодливый. У меня жил...

Федя. Кто?

Инна Станиславовна. Не кто, а где. В маминой спальне. Ну, когда мама отошла...

Никита. Нам бы только справку. Честное слово, справку, и мы пойдём...

Инна Станиславовна. Ребятки, нельзя вам без бога. Пропадёте. Так и быть, помогу вам... *(Достаёт из стола стопку Библий)*. Берите... Берите, берите... Открываем на шестьдесят седьмой странице...

Никита. Нам бы справку...

Инна Станиславовна. Начинаем петь за мной. *(Поёт псалом)*. У меня знакомый пастор есть, из адвентистов-пятидесятников седьмого дня. Вы адрес только скажите, где ваш подвал, мы вместе подойдём, помолимся... Слушайте, ребятки, а зачем вам клуб какой-то открывать. Давайте сделаем богоугодное дело. Давайте откроем молельный дом, а?

Никита. А здесь ещё где-нибудь справки выдают?

XIX.

Никита. Дальше -- ещё больше...

УПРАВЛЕНИЕ РЕГИСТРАЦИИ.

Никита. Простите, мы по поводу клуба.

Борис Алексеевич. Не гунди!

Никита. Я, мы просто...

Борис Алексеевич. Пошёл на х... И не приходи сегодня. А лучше никогда не приходи...

XX.

Никита. И ещё...

УПРАВЛЕНИЕ ДОКУМЕНТАЦИИ.

Ольга Абрамовна. Кто вас учил оформлять документы? Кто? Что это?

Федя. Устав.

Ольга Абрамовна. Почему такие буквы?

Никита. А что с буквами?

Ольга Абрамовна. Мне что, микроскоп на работе держать? Так мне никто не купит микроскоп или даже лупу! Что это такое, что это? Края загнуты... Пятно...

Никита. Так документы к вам из канцелярии пришли.

Ольга Абрамовна. Эти сучки в канцелярии меня выжить хотят. Стервы поганые... Берите всё и идите к Гавриле Андреевичу в отдел ценообразования. Без его визы дело не двинется. Правда оно всё равно не двинется, потому что он вас опять направит ко мне, а я завтра уйду в отпуск. А заместитель моя – Пряшкина заболела, и ушла на больничный...

Никита. А когда выйдет?

Ольга Абрамовна. А может, никогда не выйдет, потому что потом она уходит в декрет от этого бабника проклятого, Гаврилы Андреевича! Потаскуха... *(Начинает плакать)*.

XXI.

Никита. Послушай, мне кажется, или она действительно неудовлетворённая.

Федя. Похоже, они все неудовлетворённые.

Никита. Ну что, последний рывок – Гавриил Андреевич, архангел нашего бизнеса?

Федя. Не думаю, что последний...

УПРАВЛЕНИЕ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ

Гаврила Андреевич. Какие задачи стоят сейчас перед страной? Какие? *(Пауза)*. Президент чётко очертил задачи во время последнего селекторного совещания работников... Работников государственного управления. Каковы эти задачи? Не знаете... Плохо. Ради вас трудимся, а вы... Плохо. Президент поставил задачу по повышению объёмов производства. Что это значит?

Никита. Мы, только...

Гаврила Андреевич. Это значит надо повышать.

Федя. Мы не спорим...

Гаврила Андреевич. Надо повышать. А как? Правильно, надо строить колхозы, заводы и фабрики. Вот вы, скажем, что производить будете?

Никита. Мы клуб хотим...

Гаврила Андреевич. Значит, ничего. А из-за вас, быть может, кирпича недоделают или чугуна недовыплавят.

Никита. Но...

Гаврила Андреевич. Главное для нас производство. Такое развитие страны на современном этапе... Ещё вопросы есть?

XXII.

Никита. Если бы кто-нибудь решил устроить бал монстров, думаю, его вполне можно было провести силами белорусского чиновничества. Не помню, когда эти сны стали преследовать меня, кажется на исходе третьей недели... Тогда меня впервые поразило сходство слов монстр и министр. В то время, почти каждую ночь я видел примерно следующее...

БАЛ МОНСТРОВ

Начинается бал монстров, где чиновники превращаются в чудовищ. Весь мир сходит с ума, и они чуть не разрывают Никиту на части.

XXIII.

Никита. И лишь однажды среди этих босховских и брейгелевских персонажей мне встретился нормальный человек. Как часто бывает, он был там, где я меньше всего ожидал его встретить...

НОРМАЛЬНЫЙ ИНСПЕКТОР

Никита. *(Обречённо).* У меня тут...

Инспектор. Что?

Никита. А, впрочем, какая разница. Вы ведь всё равно не подпишите...

Инспектор. Покажите... *(Никита показывает ему документы, инспектор подписывает).*

Никита. Всё?

Инспектор. А что ещё?

Никита. Но... вы подписали.

Инспектор. Да.

Никита. Просто подписали.

Инспектор. Да.

Никита. Вы вообще с этой планеты? То есть... Спасибо.

Инспектор. Да пожалуйста.

Никита. Нет, вы точно здесь работаете?

Инспектор. Да, уже два дня. *(Вздыхает).* Целых два дня...

XXIV.

Никита. И вот, после почти трёх месяцев адových мук, потеряв сон, вес, аппетит и чувство собственного достоинства, с папкой весом один килограмм семьсот шестьдесят грамм испещрённой подписями и печатями бумаги, я снова вернулся к Сергею Кузьмичу, чтобы поставить последнюю подпись и получить заветное разрешение...

Сергей Кузьмич. А... Никита, приветствую. Ребята, салют. Рад вас видеть, ну как дела продвигаются? Вижу лица бодрые, свежие.

Федя. Вам правду сказать, или...

Никита. Всё нормально. Мы принесли документы. Осталась ваша подпись. Здесь.

Сергей Кузьмич. Ну прекрасно... Да вы присаживайтесь, что, как бедные родственники. В ногах правды нет. Или вы куда торопитесь?

Никита. Нет, мы уже никуда не торопимся.

Сергей Кузьмич. Вот и я думаю, куда это вам торопиться в вашем возрасте? Всё ещё впереди. Это в наши года уже ничего не успеваешь, время сквозь пальцы... Но это ладно. А вы в вашем клубе какую музыку будете играть?

Никита. Не знаю, хорошую.

Сергей Кузьмич. Ну это понятно...

Никита. Рок. Джаз...

Сергей Кузьмич. Джаз – это хорошо. Это замечательно, что джаз. Очень люблю джаз. Вы были на концерте, когда в Купаловском Чекасин выступал? Ох, какой был концерт. Какой уровень. Какой саксофон...

Никита. Да, хороший...

Сергей Кузьмич. Отличный! Так и знайте, если у вас будет хороший джаз, значит, у вас уже есть один постоянный клиент.

Никита. Будем рады.

Федя. Для нас это большая честь.

Сергей Кузьмич. Прекрасно, значит, будем часто видеться. Ну а теперь прошу простить, срочно надо бежать в Министерство...

Никита. А подписать?!

Сергей Кузьмич. Но вы же сами сказали, что не торопитесь. Заходите завтра, посидим, поговорим.

Никита. Я посмотрел ему в глаза, и тут до меня дошло! Словно пелена спала с моих глаз, и я увидел вещи такими, какие они есть. Сергей Кузьмич конечно же не собирался ничего подписывать. С самого начала, с самого первого мгновения, когда он спустился в наш подвал, наше дело было обречено, а на всём, что мы делали, как будто уже стоял штампель – «Запрещаю». В моих ушах гнусным голосом пиратского переводчика звучал разговор, который происходил между нами на самом деле...

XXV.

Никита. А вы завтра подпишите? (Сука, долго ты нас будешь за нос водить?).

Сергей Кузьмич. Конечно. О чём речь... Я же вам говорил. (Хрен я вам что подпишу).

Никита. Может быть, мы можем вас чем-нибудь отблагодарить? (Может тебе бабла дать, чтоб ты не мялся?)

Сергей Кузьмич. Да что вы. Нет, нет, нет. Это мы вас должны благодарить за хорошую идею, смелую инициативу. (Нет, сопляки, у вас денег не хватит меня купить).

Никита. Как вы думаете, до конца года мы сможем открыться? (Мы вообще откроемся?).

Сергей Кузьмич. А зачем ждать так долго. Мне кажется, должны успеть к октябрю. А? (Нет).

Никита. Спасибо вам большое. (Как я тебя, падла, ненавижу).

Сергей Кузьмич. Ну что там... (А подвальчик неплохой...). Слушайте, а вообще зачем вам в ваши годы столько хлопот? (Бросьте вашу безнадёжную затею). Занялись бы спортом. (Занялись бы спортом).

Никита. Мы подумаем... (А может, нам лучше повеситься?).

Сергей Кузьмич. И всё-таки вы молодцы. (Какие долбаёбы).

Никита. Счастливо, до завтра... (Чтоб ты горел в аду!).

XXVI.

Никита. Конец... Это полный, абсолютный и окончательный конец.

Оленька. Никита, хочешь есть? У меня Роллтон есть, сделать?

Никита. А цианистого калия у тебя нет?

Оленька. Нет.

Никита. Плохо. (*Пауза*). Как это всё нелепо...

Оленька. Да.

Никита. Что «да»?

Оленька. Не знаю. (*Уходит*). Я сварю тебе макароны.

XXV.

Никита. Ага... В такие минуты хочется, чтобы кто-нибудь тебя сильно ударил по голове. Состояние отключки – прекраснейшее из состояний. Но этой роскоши я не могу себе позволить... (*Вбегает Лена и сильно бьёт его по голове*). Ты что?!

Лена. Пошли портвейн пить.

Никита. Не хочу.

Лена. Я купила билеты на БГ. Дурень, ты понимаешь, на БГ.

Никита. Хорошо.

Лена. (*Кривляется*). Хорошо, хорошо... «Никита, у меня проказа». - «Хорошо, хорошо». Не понимаю, что ты грузишься, дундук?

Никита. Кто грузится?

Лена. Не получилось эта хрень с клубом, ну и чёрт с ней. Всё, выкини из головы. Из моей любимой, невытой головы. Телепузик ты мой... Давай тебе мелирование сделаем, а?

Никита. Это не хрень.

Лена. Да ладно...

Никита. Нет серьёзно, мне не нравится, когда ты так говоришь...

Лена. Брось, с самого начала было понятно, что твоя затея – полный провал. Гамлет – в Мозырском театре. Открыть в Беларуси своими силами арт-клуб. Это то же самое, что пытаться лопатой сровнять Эверест. Это никому не нужно...

Никита. Ты дура! Это мне нужно! Мне! Это мне нужно.

Лена. Ну, и каков результат? (*Пауза*). Всё, проехали... Иногда полезно обжечься. Вот я стану великой артисткой, тогда и откроем ресторан. Сейчас это модно...

Никита. Обхохочешься.

Лена. Согласна, это будет весёлое заведение. Поэтому тебя туда не пустят. Фэйс-контроль, ничего не поделаешь. Но это дело далёких перспектив. А пока... Хочешь я тебе... сделаю? Как ты любишь?

Никита. Тут же это, люди...

Лена. А я тихонько.

Никита. Лена.

Лена. Тихо, тихо, тихо... (*Ласкает его*).

Никита. Ты с ума сошла... Чёрт, за что я тебя люблю. (*Входит Оленька с макаронами*). А, Оленька, макароны принесла... А мы...

Оленька. Простите. (*Выбегает*).

Лена. Дурочка.

Никита. Чёрт...

Лена. Ничего, ей полезно. Хватит пестики, да тычинки изучать.

Никита. Слушай, иногда ты как скажешь, у меня волосы дыбом становятся. Что полезно? Вот скажи, что полезно?

Лена. Тебе она нравится?

Никита. Стерва.

Лена. Ты бы хотел её? Хотел, чтобы она тоже тебе сделала?..

Никита. Ты с ума сошла. Тебе что, нравится говорить эти маразмы?

Лена. Ну почему маразмы... Так, фантазии. Впрочем, у неё целых два дыхателя... Можешь присоединиться.

Никита. Дурацкие фантазии.

Лена. Долдон, ты лучше о ней думай, чем об этой своей идиотской затее. Я тебе разрешаю. И ешь макароны, Оленька ведь старалась... (*Уходит*).

Никита. Вот иногда я её так ненавижу, просто за волосы и головой об стену. Голову бы разможил. Потому что права, стерва, всегда права. Всегда...

XXVI.

Все в сборе.

Никита. Неба не будет.

Олег. Совсем?

Никита. Совсем. Я облажался. Ещё вопросы есть?

Федя. М-да...

Никита. Да ты не бойся, Федя, твои деньги я отдам. Когда-нибудь...

Федя. Да я, собственно, не боюсь.

Лена. Ну и ладно, хватит об этом. Гнилая тема.

Никита. Да, гнилая тема. Что, мы не найдём чем заняться? *(Пауза)*. Чёрт, как можно жить в таком дебилизме? Как можно... Слушайте, я не знал, что всё так изуродовано. Много ведь нормальных людей, как ты, я, мы ходим и даже не знаем об этом. Никто ничего не знает. Почти...

Лена. Надеюсь, ты не будешь кричать об этом на всех углах? Данко...

Федя. Это система, Никита. Я тебе говорил: в ней либо только выигрывают, либо... Ладно, не терять же в самом деле деньги из-за твоей веры в Родину. *(Звонит по телефону)*. Алло, мам. Это я. Да, я с ребятами. Зачёт? Мам, ну какой зачёт. Слушай, тут у Никиты гениальная идея. Мы заедем вечером. Обещаю. Да, он любит пироги. Пока... *(Пауза)*. Так...

XXVII.

Никита. Фебина мама напоила нас чаем, накормила пирогом с яблоками и сделала два телефонных звонка продолжительностью две минуты сорок семь секунд. И случилось белорусское чудо: ровно через неделю у меня на руках был зарегистрированный клуб «Небо». И тогда я понял, что наша государственная система – это магический мир. Пространство и время здесь искривлено, а населён он магическими существами. Знаешь заклинание, и перед тобой открыты все двери. Не знаешь – тебя ждёт мучительная смерть в адском лабиринте... Но теперь я не боюсь, ведь у меня было моё Небо на Партизанском проспекте...

АКТ 2.

XXVIII.

Тот же подвал, только чистый. Со следами предварительного ремонта.

Никита. Итак, у нас начался новый этап сосуществования с белорусской действительностью. Федя убедил меня, что рациональный способ её осмысления опасен для душевного здоровья, и единственный пусть примирения с ней – делать вид, что ненормальное – это нормально и наоборот. Но мне было плевать. У меня была цель, и я даже готов был поверить, что Лукашенко – это идеал демократии и гуманизма, лишь бы иметь своё... Небо. Теперь надо думать, как оно будет выглядеть.

XXIX.

ХУДОЖНИК 1.

Художник 1. Я вижу...

Ваня. *(Тихо)*. Что он видит?

Лена. Тихо, дай ему сказать.

Художник 1. Я вижу... Потрясающе!

Никита. Что?

Художник 1. Внезапно, я увидел свет и лучи. И колесницу, спускающуюся с небес. И столп огненный!

Федя. Ваше предыдущее место работы?

Художник 1. Храм святого Луки. Иконы, фрески, церковная утварь...

Никита. Спасибо, мы вам позвоним...

Художник 1. Хотите я вам сделаю сцену страшного суда?

Никита. Мы подумаем. Следующий!

ХУДОЖНИК 2.

Художник 2. Круто, круто, круто. А это – клёво. А это круто. А это и клёво, и круто...

Никита. Мы делаем клуб.

Художник 2. Круто.

Никита. Нам нужно очень хорошее оформление. Что-нибудь нестандартное.

Художник 2. Клёво.

Олег. Он что, других слов не знает? Русский язык довольно богатый.

Федя. Это художник, их учат рисовать, а не разговаривать.

Художник 2. Мне всё прозрачно. Итак, заостритесь сюда. Здесь мы делаем такую клеевую фиговину, зафундычим её наверх, пусть светиться. А с этой стороны сделаем крутую штуку типа куб. Может, даже два куба. Здесь такой хернёй замажем, цвет свежей блевоты, клёво будет... Торчун вас ждёт, я гарантирую. И пузырями... Я понятно объяснил?

Федя. Мы рассмотрим ваш проект.

Художник 2. Клёво...

Ваня. А на каком языке он разговаривал?

ХУДОЖНИК 3.

Художник 3. (*Женщина*). Здравствуйте, простите, я сюда попала?

Никита. А куда вам надо?

Художник 3. Я по объявлению... Простите. Вот... На счёт художников там, декораторов...

Оленька. А вы художница?

Художник 3. Я? Да... Ой, простите. Я преподаю в художественной школе. А у учителей зарплаты вы знаете какие... Дай, думаю, попробую.

Никита. А у вас опыт в таком деле есть?

Художник 3. Что?

Никита. Да вы не волнуйтесь. Ваня, воды...

Ваня. Вот, попейте, женщина.

Художник 3. Спасибо...

Никита. Мы открываем клуб. Ночной клуб. Ну... кафе, дискотеку. Так вот, у вас опыт оформления таких помещений есть?

Художник 3. Конечно. Я два детских садика оформляла в Степянке и Чижовке. Там всегда дискотеки проводятся...

ХУДОЖНИК 4.

Никита. О господи, следующий! (*Входит Художник 4*).

Художник 4. Так, с пространством я работаю хорошо, опыт большой, будем сотрудничать, можете не сомневаться.

Никита. Мы не против, у вас предложения есть?

Художник 4. Это брехтовская структура.

Федя. Простите?

Художник 4. Мы сделаем слёзный строй! В открытую! Здесь поставим станок, здесь задник, колосники, рампу. Светой прямой, контровой... Я думаю, решить всё через стену.

Никита. Через что?

Художник 4. Гигантская стена будет разворачиваться и как бы идти на зрителя, давить пространство! Космическая эмоция!

Федя. Вообще-то, мы делаем ночной клуб.

Художник 4. Да? Клуб? Тогда у вас, наверное, есть выпивка?

ХУДОЖНИК 5.

Очень респектабельного вида молодой человек раскладывает перед ними эскизы.

Никита. Потрясающе!

Оленька. Как красиво.

Ваня. Да! Как по телевизору...

Лена. То что надо!

Федя. Сколько?

Художник 5. Среди клиентов нашего дизайнерского бюро – только лучшие компании. Но для начинающих у нас предусмотрена скидка. Короче, за всё – пятнадцать тысяч.

Никита. Сколько?!

XXX.

Никита. Это безнадежно.

Лена. Вот и верь после этого в искусство.

Оленька. А что же делать?

Федя. Наш клуб, нам и решать, как он будет выглядеть.

Никита. И мы принялись за работу. Естественно, не одни мы, наняли молдаван. Ребята простые, им говоришь, они делают. До открытия оставалось совсем немного... Совсем немного до Неба...

XXXI.

Открытие клуба «Небо». Играет живая музыка. Всеобщее веселье. Ребята показывают номер – аплодисменты.

Никита. Всем привет! Мы открылись!

Гости. Ура!

Никита. И мы все на Небе!

Гости. У!

Никита. Чувствуете, это запах свободы! Слышите? Мы свободны! Веселитесь, пейте, танцуйте – вы можете делать всё! Ведь вы на небе, а значит, законы земли здесь не действуют! Все сходим с ума! *(Начинается дискотека).*

Оленька. Никита, пойдём...

Никита. Оленька, Оленька, ты посмотри! Мы открылись! Ты понимаешь? Всё! Это всё наше! Мы сделали это!

Оленька. Я так за тебя рада...

Никита. Ленка!

Ленка. А ведь сделал, мерзавец! Молодец, это реальный выйгрыш.

Никита. Пойдём выпьем. Надо выпить за это... Много выпить, это же наша выпивка. Всё наше!

Оленька. Никита...

Никита. А где Федя? Где все? Олег, Ваня... У нас же праздник, вы чувствуете?

Оленька. Может, на воздух выйдем?

Никита. Нет!

Лена. Ты напился...

Никита. Естественно.

Федя. Кассир говорит, выручка растёт.

Никита. Растёт, растёт, конечно, растёт. Мы будем богатыми... *(Смеётся).*

Олег. Я ухожу...

Никита. Куда? Всё же только начинается.

Олег. Мне голова болит. Оленька, пойдём со мной.

Оленька. Я останусь...

Олег. Но тебе же это не нравится.

Никита. Она останется! И ты останешься! Мы все должны быть вместе в такой день... Вы что? Вы что, не понимаете?

Ваня. А тут всегда такая музыка будет играть?

Федя. Там инкассаторы приехали, надо бы проконтролировать.

Никита. Федя! Ну подожди ты! Ты что, не видишь, Олег нос повесил. Нельзя... Нельзя. Слушай, ну хочешь свои стихи почитать? Я тебе обещал, что в нашем заведении все будут знать твои стихи... Значит, будут!

Лена. Никита, не заводись... Дай людям веселиться.

Никита. Отстань ты от меня, со своими советами. Я сам знаю, что делать!

Лена. Пошёл ты в задницу со своим клубом... А на меня орать не смей! Подонок!
(Уходит).

Никита. Лена, Лена...

Федя. Отойдёт.

Никита. Пошла она к чёрту! Будем слушать стихи!

Федя. Никита...

Никита. Раз я сказал, так и будет. Эй музыку, тихо! Я сказал тихо! Босс будет говорить... Гости. У!

Никита. Небожители! В честь сегодняшнего праздника -- а у нас сегодня праздник, все помнят! Мой большой друг и потрясающий поэт Олег Лунгин прочтёт свои стихи! Все слушайте... Олег давай. (Пауза).

Олег. Простите, я сегодня не в голосе. (Уходит).

Никита. Олег, Олег... Бля...

Федя. Оставь его.

Никита. Чего он? Я же...

Оленька. Я пойду за ним.

Никита. Оленька ты куда... Оля... Я думал, мы вместе...

Федя. Оставь их, у нас много дел. Все устали, Никита. Слишком большое напряжение. Вспомни, как мы работали на открытии.

Никита. Я думал, вместе работали, вместе отдыхать.

Федя. Завтра! А сейчас всем весло. Ваня, тебе весело?

Ваня. Всё нормально, Никита. Федя, всё отлично. Прекрасный праздник, правда. Вы тут занимайтесь, а я пойду к бару, пивка попью...

Никита. Ваня...

Ваня. Нет, нет, не беспокойся. Федя прав, действительно, завтра. (Уходит).

Никита. Завтра...

Федя. Брось. Действительно погуляем ещё, пойдём, там ждут инкассаторы...

Никита. В жопу инкассаторов! Никуда не пойду – у меня праздник! (Федя уходит). Ну и иди. Все идите к чёрту! Это мой праздник и никто не испортит мне его! (Танцует. Играет громкая клубная музыка. Видит безумно танцующего человека. К нему). Нравится танцевать?

Танцующий. Что?

Никита. Нравится танцевать?

Танцующий. Да.

Никита. Я – хозяин. Приходи танцевать, я буду тебе платить.

Танцующий. Хорошо. (Они продолжают танцевать).

XXXII.

Прошло три месяца.

Федя. Слушай, Лена, слетай в Москву, а? Надо подписать контракт с агентами Земфиры. Райдер они прислали, но я не уверен по срокам...

Лена. А деньги?

Федя. Какие деньги?

Лена. Федя...

Федя. (*Достаёт толстую пачку денег*). Это половина. Остальное позже. А это тебе, за работу...

Лена. Никита знает?

Федя. Дай ему придти в себя. В последнее время он какой-то нервный. А бизнес так не делается.

Лена. Для Никиты это слишком много значит.

Федя. Я понимаю.

Лена. И что?

Федя. Ничего. Вылетай сегодня...

Лена. Федя, он очень доверяет тебе. Пожалуйста, не оставляй его...

XXXIII.

Никита. Как дела?

Федя. Нормально. (*Пауза*). Выпьешь?

Никита. Ты куда?

Лена. По делам... (*Выходит*).

Никита. Почему вчера пошла проплата, а я не знал?

Федя. Ты был занят. А что такое?

Никита. Ничего. Просто я не знал.

Федя. Это была обычная операция. Ничего особенного. В конце концов, я же не могу бегать к тебе с каждой платёжкой.

Никита. Федя, я хочу знать, куда уходят наши деньги.

Федя. У тебя какие-то претензии?

Никита. Нет, я просто хочу знать, как ведутся дела в моём заведении.

Федя. В нашем...

Никита. Нашем.

Федя. Не надо делать вид, что ты дурак. Хочешь подробностей – иди в бухгалтерию и посмотри. А если ты мне не доверяешь, так и скажи. Скажи прямо.

Никита. Прости... Замотался. Надо развеяться...

Федя. Сходи в клуб.

Никита. Смешно. Да, это смешно.

Федя. А ещё лучше за границу. Давай в следующем месяце махнём в Лондон. У меня кое-какие семейные дела, а ты так, проветришься, отдохнёшь...

Никита. Посмотрим, посмотрим... Ты, Федя, всё-таки держи меня в курсе.

XXXIV.

Громкая клубная музыка. Оленька и Лена.

Лена. Кого ты выбрала?

Оленька. В смысле?

Лена. Не прикидывайся. Со мной можешь говорить на чистоту.

Оленька. Я не знаю...

Лена. Сколько не оттягивай, всё равно кому-то не повезёт. Нет, в принципе, можно водить за нос обоих, но, мне кажется, для тебя это сложновато.

Оленька. Я и не собиралась...

Лена. Ну так кто тебе больше нравится? Они оба хороши, в своём классе. Ванька смешной, Олег – романтичный. Так как мне не нравятся ни те, ни другие – мне трудно дать тебе совет.

Оленька. Я не думала об этом серьёзно...

Лена. Зато они думают. Ты видела, как Олег смотрит на тебя. Ты его возбуждаешь.

Оленька. Да? Я не уверена.

Лена. Брось. Мы с тобой взрослые женщины, можем называть вещи своими именами. Они оба пускают слюни глядя на тебя. У тебя хорошая ситуация, ты можешь выбрать сама. И лучше не тянуть, пока они не выбрали кого-нибудь другого...

Оленька. Мне кажется, всё должно произойти как-то естественно. Я думаю, что когда любовь придёт ко мне, я это пойму.

Лена. Ты ещё не поняла?

Оленька. Я ещё не думала над этим.

Лена. Позволь мне угадать. Ваня? Конечно, нет. Ему надо что-то попроще, такая ягодка как ты – слишком изысканное блюдо для него. Тогда Олег? Тоже нет. Странно, почему же все твои мысли всё время крутятся вокруг Никиты? Угадала?

Оленька. Нет.

Лена. Могу сказать тебе одно, ты не в его вкусе. Адьо.

XXXV.

Федя и Густавсон. Входит Никита.

Федя. Никита, познакомься. Господин Густавсон, наш латышский гость.

Никита. Здравствуйте. Как вам наше заведение?

Густавсон. Замечательно.

Федя. Господин Густавсон как раз занимается... клубным бизнесом.

Густавсон. Причём давно.

Федя. Вот, предлагает нам сотрудничать.

Густавсон. Моя задача заключается в том, чтобы придя в клуб клиент, молодой человек, имел весь ассортимент удовольствий, предлагаемых современной цивилизацией. Человек приходит в клуб получить удовольствие, расслабиться. Законное желание. Законно то, что каждый взрослый человек вправе самостоятельно выбирать меру удовольствия и расслабления...

Никита. Что вы предлагаете?

Густавсон. Доход любого клуба состоит из двух частей. Первая – от продажи билетов и спиртного. Вторая – от, так сказать, запретных удовольствий. Я предлагаю удвоить ваши доходы. *(Пауза)*.

Никита. Не думаю.

Федя. Никита, не решай сгоряча. Это дельное предложение, давай подумаем.

Никита. Я – против.

Федя. Послушай...

Никита. Я не хочу.

Федя. Мы на минутку. *(Отходят)*. Никита, слушай...

Никита. Я не хочу, чтобы в моём клубе продавались наркотики. Ты что...

Федя. Ты что, совсем слепой? Да их и так продают направо и налево. Зайди в туалет – там горы марок и окурков.

Никита. Не может быть, откуда?

Федя. А я откуда знаю? А так, мы хотя бы будем что-то контролировать.

Никита. Бред.

Федя. Или ты хочешь, чтобы здесь цыгане или чурки ошивались? Они уже присматриваются... Я же предпочитаю европейский подход.

Никита. Федя, не ради этого мы открывались. Забыл? Зачем...

Федя. Это жизнь, Никита.

Никита. И что, теперь так подставляться...

Густавсон. Могу вас успокоить, вы к этому не будете иметь абсолютно никакого отношения. Более того, мне кажется, что мы с вами даже не знакомы. Можете поверить, система работает безупречно, и во многих странах...

XXXVI.

Клубная программа. Все в сборе, курят травку, смеются.

Федя. У кого-нибудь, наконец, появились галлюцинации?

Ваня. (*Хохочет*). Ребята, когда я курю, то вижу разные мультики из детства. Обязательно советские. «Золотую антилопу», «Каштанку» и «Карлсона». И все вокруг, как будто из мультика...

Федя. Я заметил, что марихуана настраивает на ностальгический лад.

Лена. Хотела бы я, чтобы после косяка мне транслировали мультики.

Никита. Может, он сам мульт?

Ваня. Точно... Я превращаюсь в мультя. В толстого, большого мультя. Как Карлсон!

Лена. Что, мы все в мультике? Тогда я Фрекен Бокк! Алло, алло, это телевидение?

Федя. А мы с Никитой ворюги, помнишь там воров, -- это мы.

Никита. Почему?

Федя. Потому что мы обкрадываем это грёбаную страну и курим лучшую крымскую травку! От которой, ноги сами ходят ходуном...

Никита. И не только ноги...

Лена. А Оленька у нас Малыш. Хочешь быть Малышом?

Оленька. Нет. Спать хочу.

Федя. Э-э-э, подожди. Не отключайся, всего... всего четыре часа. По плану, отход ко сну намечен в девять ноль-ноль.

Олег. Кошмар!

Лена. Что?

Олег. Все поэты рано умирают... А я видел, она прошла там.

Лена. Кто?

Олег. Моя смерть.

Ваня. Где?

Олег. Там. Вы её не увидите. Смерть может видеть только тот, к кому она придёт.

Лена. Как она выглядит?

Оленька. Нет, нельзя говорить... Вы все её тоже увидите, и очень, очень удивитесь. Я её уже видел...

Федя. Когда?

Олег. Ребёнком, мне было четыре года. Я умирал, потому что у меня жгло в груди и дышать было больно. Перед глазами всё плыло, как сейчас, а потом вдруг всё стало прозрачным, и я увидел её.

Ваня. И ты умер?

Олег. Нет, мама умерла.

На колени встану тихо...

Встану тихо на колени...

На колени тихо встану...
 Перед маленьким ребёнком.
 Забинтую ему раны,
 Поцелую его вены,
 Расскажу ему про маму,
 Только расскажу негромко...

Федя. Олег, Олег, Олег, эй. Мы здесь, мы здесь. Это я, Никита, Ваня, Оленька, Ленка – мы все здесь. Ты гляди, как травка действует?

Олег. Простите. Мне кажется, я схожу с ума. Какая-то мысль, ползает у меня под кожей на голове, как червяк. Здесь... Смотрите, у меня лоб вздулся...

Оленька. Нет, у тебя всё хорошо...

Федя. Ночь только зажигается, кто хочет марку!

Лена. Я!

Ваня. Я! А мы что, что-то посылаем по почте?

Федя. Мы тебя в рай посылаем по почте... Оленька, положи под язык. Олег. Никита. Полетели! (*Начинаются наркотические галлюцинации*).

XXXVII.

Никита. Небо стало самым свободным местом в этой стране. Только здесь каждый мог получить, то, что хотел. И каждый вечер на Небо приходила самая странная и удивительная публика города Минска. Сюда не попадало жлобов. Федя через папу наладил охрану, и братки забыли сюда дорогу. Густавсон прикормил милицию. И мы, Небожители, могли жить в своё удовольствие. Небо превратилось в храм, -- храм искусства, свободы, джаза и любви. Здесь можно было встретить кого угодно: ребят из «Молодого фронта» и «Зубра» с «бел-чырвона-белыми» флагами, которые обклеивали туалеты наклейками «Беларусь в Европу» и «Раздавим гадину», вечно пьяных белорусских рокеров, не менее пьяных актрис Купаловского театра, художников, студентов, бизнесменов, Элеонору Езерскую, Помидорова, Будько, Михалка, Нейродюбелей и Леприконсов... Здесь бывали все, пили водку и курили марихуану... И все знали, что дорога в Рай лежит через Небо на Партизанском проспекте...

XXXVIII.

День. Никита. Входит Сергей Кузьмич.

Сергей Кузьмич. А, Никита, добрый день. Как у вас тут хорошо, как уютно, по-молодёжному. Очень хорошо, очень, мне нравится. Я же вам сразу сказал – хотите клуб, будет у вас клуб. Мы же всегда для молодёжи...

Никита. Выпьете?

Сергей Кузьмич. А?

Никита. За счёт заведения.

Сергей Кузьмич. Ну, за ваш успех и процветание можно. Коньячку. (*Никита наливает ему и себе*). Ваше здоровье. (*Пьют*). Ну как идут дела, люди ходят?

Никита. Пока ходят, спасибо.

Сергей Кузьмич. Слава богу. Молодёжь ходит?

Никита. Ходит.

Сергей Кузьмич. Прекрасно. Прекрасно. Как же, как же. Вижу рекламу, слежу. Мы ведь всё отслеживаем...

Никита. Ещё?

Сергей Кузьмич. Ай, давай. Всё равно день к концу. А где твои товарищи? Или как это у вас – партнёры? Товарищи сейчас не принято, да? Где этот, как его...

Никита. Федя?

Сергей Кузьмич. Федя, Федя, точно, Федя. Хитрый такой. Ох, какой он хитрый. Весь в родителей...

Никита. Уехал по делам.

Сергей Кузьмич. Ясно. Дела... А я ведь тоже, Никита, к тебе по делу, как представитель, так сказать, государства. Мы ведь, в смысле народ, государство, помогли тебе. Со всей душой подошли. Вот клуб тебе открыли... Всё для тебя сделали. Так что пришло и тебе время государству помочь. Да, да, Никита, надо как-то помочь...

Никита. Что это значит?

Сергей Кузьмич. Вот, разнорядочка... Помогите, а? Клуб-то не обеднеет.

Никита. Подождите, что это? Я не понимаю. Какая библиотека?

Сергей Кузьмич. Ты что, телевизор не смотришь?

Никита. Сколько?!

Сергей Кузьмич. Да, это дорогое удовольствие. Говорят, миллионы книг. Я ещё коньячка налью, хорошо? Подумай сам, это же для всех, для народа, президент обещал. И твои дети туда ходить будут.

Никита. А церковь?

Сергей Кузьмич. Ну мы обещали как-то поддержать...

Никита. А ночной клуб тут причём?

Сергей Кузьмич. А как мы их поддержим, если вы нас не поддержите? Вот ты тоже такой смешной. В этом мире всё взаимосвязано.

Никита. Но я не верующий.

Сергей Кузьмич. Да и я, ты знаешь, не очень. Но нам с экзархатом ссориться нельзя. Государственная линия на сближение. Надо помочь, Никита, дело богоугодное...

Никита. А это что?

Сергей Кузьмич. Где?

Никита. Государственное предприятие «Завод подшипников»?

Сергей Кузьмич. А это, Никита, беда нашего района. Весь план нам портят, подонки. Банкроты проклятые... Но ты же знаешь, людям без зарплаты никак нельзя. Наши же люди. И у каждого семья, дети...

Никита. А я причём к их семьям? Вы что?

Сергей Кузьмич. А что? Ты же в этом государстве живёшь? Или как? Или тебя проблемы государства не касаются? Как клуб открыть – так помогите. Нехорошо, Никита. Короче, ты как знаешь, а до десятого ждём...

Никита. Как до десятого?! Но это безумие. Откуда их взять?

Сергей Кузьмич. Ну вы же молодые, что вы не заработаете? Давайте, давайте, бодрее. Как говорят, надо, значит, надо. Ох, хорошо у вас тут. Сидел бы и сидел. Ну, спасибо за коньячок, привет друзьям. Молодцы вы, я же говорил, всё получится. Пока... До десятого, жду. (*Уходит*).

Никита. Бля... (*В бешенстве бьёт бутылку*). Уроды...

XXXIX.

Федя. Успокойся.

Никита. Уроды...

Федя. Сбавь обороты. Расскажи толком, что случилось.

Никита. Что случилось? Они требуют с меня денег!

Федя. Кто?

Никита. На вот, полюбуйся.

Федя. А чего ты хотел?

Никита. Суки. Но как так можно? Как?! Они же сделали всё – всё, чтобы Неба не было. А теперь им ещё деньги давай. За что? За что я им должен дать хоть рубль?

Федя. Ты как маленький. Каждый зарабатывает как может. Рэкет – единственное, что позволяет держаться этому государству. Ты зарабатываешь, а они отбирают – рыночный социализм.

Никита. Я им отдаю столько, сколько положено. Где написано, что я должен оплачивать их дебильную библиотеку и подшипники? Где это написано?

Федя. А где написано, что ты вообще должен существовать? Ты пойми, они разрешили – есть Никита Мицкевич, запретили – нет тебя. Ты блоха, паразитирующая на теле нашего народа и государства, друг мой, и всегда должен помнить, что тебя могут прихлопнуть в любой момент.

Никита. Чёрт, перебил бы всех.

Федя. Смешно.

Никита. И что ты предлагаешь?

Федя. Заплатить.

Никита. Ты что?

Федя. Заплати...

Никита. Но это же вся наша касса.

Федя. Переживём.

Никита. Но они же будут требовать ещё.

Федя. Конечно. Но ты спросил меня что делать, я тебе говорю – заплати. Не рассуждай, не думай, заплати и забудь.

Никита. Нет, так нельзя.

Федя. Можно.

Никита. Нельзя, Федя.

Федя. Просто дай им денег.

Никита. Знаешь что... Идут они в задницу. Я не дам им ни копейки. Я не дам им ни копейки моих денег. Это мои деньги! Я их заработал! И я лучше их сожгу, чем отдам им.

Федя. Ну хорошо... *(Пауза)*. Только знаешь что...

Никита. Что?

Федя. Они очень расстроятся...

Никита. Я очень на это надеюсь. *(Они начинают смеяться)*.

XXXX.

Начинается гигантская вечеринка.

Никита. Друзья, сегодня у нас юбилейное Party! Нам год! Для белорусской экономики это огромный возраст! Но мы выжили! Потому что небо нельзя уничтожить! Оно выше земли, выше государства, выше всякой власти. Здесь все свободны! И шоу только начинается! *(Начинается праздничное шоу. Он веселиться, через какое-то время к нему подходит человек.)*

Человек. Простите, где я могу найти Никиту Андреевича Мицкевича?

Никита. Это я.

Человек. Поздравляю вас с праздником!

Никита. Спасибо!

Человек. Комитет государственного контроля. Плановая проверка.

Никита. Желаете повеселиться? Тогда вы по адресу! Посмотрите...

Человек. Что?

Никита. Как танцуют люди. Я уже научился их классифицировать.

Человек. Кого?

Никита. Танцующих... Это очень интересно: вон видите парень? Это дрыгач. Он танцует, как бы покачивается туда-сюда, туда-сюда. Как маятник. На любую музыку... А вон, ломка...

Человек. В смысле?

Никита. Танцует, как будто его ломает. А вон та девушка – топтыжка. Она как бы топчется на месте. Топ, топ... Я её часто вижу. Заметьте, какие у неё ботиночки. Вся маленькие, а ботинки большие... У неё каждый раз волосы нового цвета. А вон с той стороны, -- прыгун. Его танец – прыжки. Мне он нравится, у него много энергии. А там у стены стоят романтики. Под быструю музыку они танцуют только слегка покачиваясь, ждут медленных танцев... Вон дискачи. Они ещё в семидесятых. Они любят всё серебристое... Дальше растоманы. Знаете кто такие?

Человек. Нет.

Никита. Ну не важно. Вон в том углу – рокэнрольщики. У них в ушах всегда Буги-Вуги... Это хорошие ребята, мне нравится с ними общаться. У стойки тусуется «золотая молодёжь». Немножко снобы. Никак не могу понять их язык... Видите? Они кислотники. А в центре, вон там, в самом центре площадки, видите...

Человек. Кто это?

Никита. Вам тоже нравится? А... Это Танцующий... Я плачу ему. Он танцует как Дьявол. Никто не может просто стоять, когда он танцует. А ему всё равно... Мне кажется, он готов танцевать всю ночь напролёт. Посмотрите на его лицо: блаженство и страдание одновременно – он сейчас находится в другом мире... Я готов часами смотреть на него... Знаете, почему я открыл именно клуб?

Человек. Почему?

Никита. Я просто люблю смотреть на танцующих людей. На красивых и свободных танцующих людей. Скажите, я извращенец?

XXXXI.

Олег. Хочешь экстази?

Оленька. Нет. С тобой всё нормально, Олег?

Олег. Не уходи.

Оленька. Я здесь.

Олег. Посиди со мной. Я давным-давно тебя искал, чтобы что-то сказать. И не находил... Я звал тебя, а приходили другие люди. Очень странно...

Оленька. Я всё время здесь, рядом.

Олег. Оленька...

Оленька. Что?

Олег. Оленька...

Оленька. Совсем плохо?

Олег. Нет, нет... Зачем я тебя просил остаться?

Оленька. Ты хотел мне что-то сказать.

Олег. Да, точно. Я вспомнил. Я хотел тебе прочитать одно стихотворение. Нет, ты не пойми превратно – это только слова. Они ничего не значат. Стихи никогда ничего не значат... Понимаешь?

Оленька. Прочитай...

Олег.

Падающей капли звук
Огромен, как любовь Христа.
Странные изгибы тонких рук
Её. Она чиста,
Как слеза,

Скатившаяся по бледности щёк
 На подбородок...
 Надрез души поперёк
 Нелепо глубок,
 А всхлип так робок.
 В глазах её нежность и боль —
 Тени в душе.
 Безжалостен зной.
 На кровати чужой
 Ты лежишь неглиже.
 Танец бликов свечи на ней
 Под падающей капли звук.
 На скрещенья дивные шей
 Влюблённых лебедей
 Похожи изгибы рук.
 Взмах её длинных ресниц,
 Словно крылья вознёсшегося ангела.
 Ей хочется очень пить
 Или любить —
 Порывисто странная.

Оленька. Красиво...

Олег. Тебе правда нравится?

Оленька. Да.

Олег. Ты ничего не понимаешь в поэзии. В этом мире никто ничего не понимает в поэзии.

Оленька. Мне нравятся твои стихи. И как ты их читаешь. Ты очень хороший человек,

Олег. *(Она подходит к нему и целует).* И красивый...

Олег. Нет.

Оленька. Да...

Олег. Но ты ведь не любишь меня. Ты не могла полюбить меня. Я по глазам вижу... Это всё нелепо... Знаешь, что — я стихотворение тебе потом на бумаге перепишу, если тебе понравилось. Печатать его всё равно не взяли. Пойду...

Оленька. Олег.

Олег. Тебя Ваня любит. Он боится, он не признается.

Оленька. Причём здесь Ваня? Я ведь к тебе...

Олег. Не причём. Мне надо идти...

Оленька. Подожди, Олег, неужели ты меня совсем не любишь? *(Входит Ваня).*

Ваня. Привет. А я думал вы...

Олег. Я ухожу.

Ваня. Оленька, что с тобой? Вы чем тут занимались?

Олег. *(Начинает хохотать).* Стихи читали. Остаься с ней, поговорите. Мне что-то не по себе. Я пойду... Оленька, ты не злись на меня, не надо... Когда узнаешь всё, поймёшь. Так надо, я серьёзно, так надо... *(Уходит).*

XXXXII.

Ваня. Что это с ним? Ты не волнуйся, Олег отойдёт. Он отходчивый, завтра снова как огурчик будет. Может, я не вовремя?

Оленька. Почему, нормально...

Ваня. Я обкурился. Но сегодня праздник, сегодня можно. Целый год прошёл, представляешь? Только границы стираются, так что, может, совсем черты не вижу...

Оленька. Какой черты?

Ваня. За которой приличия кончаются...

Оленька. Ты такой забавный?

Ваня. Ай, обкурился.

Оленька. Я тоже...

Ваня. Мы как в мультике из детства, помнишь, в том, «Ежик в тумане».

Оленька. Я ёжик?

Ваня. Да, а я медвежонок. И мы встретились. Я когда покурю всегда мультики вижу. Вот так...

Оленька. А я не вижу. Я спать хочу, и целоваться... *(Пауза. Она целует его).*

Ваня. Выходи за меня замуж. *(Она хохочет и убегает).*

XXXXIII.

Лена. Надо купить дом. Мне надоело жить в квартире. Слишком суетно, шум, гам, гости постоянно... Нет, я не против, но можно сойти с ума. Я поняла, город слишком давит на меня. Да и тебе время на природе пойдёт на пользу... Нервы соберёшь.

Никита. Неудобно.

Лена. Глупости, машины есть – сел, поехал.

Никита. А кто будет смотреть за домом?

Лена. Мама. Я давно хотела, чтобы она в Минск переехала.

Никита. Будете мне вдвоём мозги трахать.

Лена. Слушай, не надо на мне вымещать своё плохое настроение. Если я тебе мешаю – прямо скажи.

Никита. Мне просто не нравится...

Лена. Что я трачу твои деньги.

Никита. Что ты это делаешь как должное... Без особой благодарности.

Лена. Ты мне жалеешь?

Никита. Как ты можешь такое говорить? Тварь, ты и так получаешь всё, что хочешь. Всё! Деньги, машины, тряпки... И всё равно ты недовольна.

Лена. А чего ты ждал? Это жизнь. Если ты считаешь, что ты такой уж интересный человек, неотразимый, привлекательный, что каждая девушка мечтает о таком парне – ты ошибаешься.

Никита. Чего ты тогда со мной встречаешься?

Лена. Давай посмеёмся на эту тему.

Никита. Меня достал этот разговор. Мужу будешь качать права...

Лена. Вот именно! Именно! Любая девушка ищет надёжность. Она хочет, чтобы о ней заботились. Чтобы её желания выполняли... Да, я могу, взять у тебя деньги и потратить их, всё? На этом наши отношения заканчиваются. Ах, забыла, мы же ещё спим вместе. Впрочем, в последнее время клуб отнимает у тебя столько сил, что и это происходит не очень часто... Скоро, наверное, мне придётся попросить у тебя денег на вибратор...

Никита. Хватит.

Лена. Ты параноик. Ты просто параноик. Так бизнесом не занимаются. Кому и что ты хочешь доказать? Ты что, не понимаешь, что это всё фикция? Клуб, Небо – это отростки твоего большого самолюбия, отрубить которые ничего не стоит. Ты спрашиваешь меня, почему я трачу твои деньги? Потому что ты всё просрёшь. Потому что деньги тебе не нужны, тебе плевать на них. Ты не умеешь быть богатым. А это бизнес, бизнес, понимаешь? Просто зарабатывание денег. Тогда мы можем быть счастливы...

Никита. Мне не нужна девушка, которая встречается со мной из-за денег. Я бы мог купить десяток шлюх!

Лена. Ну и покупай! Пусть они поют твои дифирамбы, а я тебе не буду. Мне казалось, что любовь – это возможность говорить правду в глаза.

Никита. Так тебе нужен кошелёк, тебе нужен бизнесмен?

Лена. Дурак, я тебе о другом говорю. Мне нужен человек, на которого можно положиться.

Никита. Положись на кого-нибудь другого, думаю, это не станет для тебя проблемой.

Лена. Какой же ты... Жаль даже тратить на тебя слова. Думаешь, я за тебя держусь? Нет. Мне было интересно, пока мы были свободны и трахались где попало... Пока мы приносили удовольствие друг другу и веселились. А теперь ты раб этого чёртова подвала. Ты здесь и загноёшься, небожитель хренов...

XXXXIV.

Федя. Как проверка?

Никита. Да, вроде, закончилась...

Федя. Нашли что-нибудь?

Никита. Конечно, нет. Ничего... Не к чему придраться. Псы... Рыскали, рыскали, всё бухгалтерию подняли, всё корреспонденцию, отчёты... Но, вроде, ничего, пронесло. Я уверен, эта скотина Сергей Кузьмич их подослал. Ещё года организация не проработала – тут же контролёры. Ещё проверять нечего, а они уже тут. Стервятники... Ясное дело – наводка.

Федя. Естественно.

Никита. Хм, ещё позвонил.

Федя. Кто?

Никита. Сергей Кузьмич. Позвонил, спросил как дела? Не передумали ли мы? Рассказал про положение в стране, про кризис. Взывал к самосознательности, пожелал успехов. Падла...

Федя. Ну ничего, ничего, прорвёшься.

Никита. Ты хотел сказать, прорвёмся. *(Пауза)*. Мы прорвёмся.

Федя. Слушай, Никита, как раз с тобой хотел поговорить. Там Лукашенко опять начинает чистку наверху. Отца явно снимут. Там многие головы полетят... Так что, вероятно, мы уедем. Мама уже в Лондоне, отец выезжает туда через Москву на следующей неделе. Я продаю свою долю в бизнесе.

Никита. Как, ты уезжаешь?

Федя. Всё надо делать вовремя.

Никита. Бежишь?

Федя. Политически эмигрирую. Кстати, советую сделать то же самое. Зачем тебе сдались эти сергеи кузьмичи, госконтроль, всё это быдло. Давай продадим заведение. Покупатель есть – Густавсон. Он с чиновниками умеет работать. Ты не создан для бизнеса здесь. А мы махнём в Лондон.

Никита. А как же остальные?

Федя. Всегда трудно оставлять старых друзей и то, к чему привык.

Никита. Нет, я не могу. Я же всю душу сюда вложил. Всё... Все силы. Я не могу это бросить. Я не могу бросить своё Небо. И не хочу убегать! Я хочу быть свободным здесь, Федя, здесь – в Беларуси, в Минске, на этом грёбаном Партизанском проспекте.

Федя. Подумай...

Никита. Нет, я не поеду.

Федя. Хорошо. Тогда хоть в гости приезжай.

Никита. В гости приеду.

Федя. Я долю на тебя оформлю. Потом рассчитаемся.

Никита. Спасибо.

Федя. И всё-таки подумай трезво. Ты же нормальный человек, тебе здесь жить противопоказано.

Никита. Моё небо здесь.

Федя. А моё там, где я сам...

XXXXV.

Лена. Федя... Уезжаешь?

Федя. Да.

Лена. Возьми меня с собой. Мне осточертело здесь. Федя, возьми меня, ты же меня знаешь, я буду такой, как захочешь... Буду делать, всё, что скажешь. Повеселимся.

Федя. Прости, я не могу.

Лена. Почему?

Федя. Потому что я могу найти попутчиц и повеселее. *(Уходит)*.

XXXXVI.

Прошло три года. Клуба уже нет. Подвал в том же состоянии, как и в начале. Туда опускаются Ваня, Федя, Лена и Оленька.

Ваня. Осторожно, здесь света нет.

Федя. Слушайте, ощущение, как в первый раз спускаемся. Почти также...

Оленька. Я зажгу свечи.

Ваня. Здесь сначала какие-то бомжи ошивались, но мы их прогнали, поставили новый замок... Так ты не знаешь, я же тут сторожем подрабатываю. А что – ничего, деньги небольшие, зато я тут теперь хозяин. Видишь мешки, -- это мои...

Федя. Следы бывшего великолепия... Часто тут бываете?

Лена. Нет.

Оленька. Просто теперь, без Никиты, мы редко собираемся... *(Пауза)*. Как-то не получается.

Федя. Когда его посадили?

Лена. Почти полтора назад. *(Пауза)*.

Федя. За что?

Ваня. Ай... У нас за всё могут.

Лена. Когда ты уехал, сюда пошли проверка за проверкой. Ты же знаешь, с него требовали какие-то деньги, но он не заплатил. Наоборот, ещё судиться с ними начал. Написал в газету. Был скандал, но он не успел даже довести суд до конца... Сначала пришла санстанция и закрыла клуб. Затем налоговая... Он злился, скандалил. Потом его арестовали. Сказали какие-то преступления по налогам. Или по финансам... Короче...

Федя. Мне он ничего не писал. Не знаю почему, из гордости, наверное. Я ему звонил пару раз, а он всё – отлично, процветаем, денег куры не клюют... Всё про концерт памяти Джимми Моррисона рассказывал, про Арефьеву, про Гребенщикова, как со всеми познакомился... Сколько ему дали?

Ваня. Семь лет.

Оленька. Как так можно... Он же был такой молодой, такой честный... Никому никакого зла не сделал.

Федя. Чёрт, говорил же я ему! Упрямый. Таким здесь нельзя... Слушайте, а почему Олег не приехал. Опять депрессирует? *(Пауза)*.

Ваня. Нету теперь Олега.

Федя. Как нет? А где он?

Оленька. Умер.

Лена. Выпал из окна.

Федя. Как? Несчастный случай?

Лена. Наверное. Мы не знаем. Это произошло, как только Никиту посадили. Здесь такое было... А он ещё курил много, писал, писал... Всё время что-то писал. А потом мы узнали...

Федя. Ясно...

Ваня. А ты как там?

Федя. Нормально. Папа работает советником в МИДе, консультирует по странам бывшего СССР, мама в туристическом бизнесе.

Лена. А ты сам?

Федя. Я? Ну вы же меня знаете... Мне всё основательное претит. Так что можно сказать, что я вольный художник.

Лена. Как всегда...

Ваня. Ясно. *(Пауза)*.

Оленька. Давайте уйдём отсюда. Как-то здесь не по себе. Слишком много вспоминается...

Лена. Да... Как будто это было вчера. Танцы до упаду. Слушайте, это ужасно – всё так живо в памяти. Запах мокрых, счастливых тел, музыка в ушах. Это ощущение, что в мире ничего, ничего больше не существует, кроме тебя и... Неба. Ты закрываешь глаза, вдыхаешь дым марихуаны, чьё-то дыхание, голос... И... *(Пауза)*. Чудовищно. Я ведь с тех пор ни разу не была в клубе. Не могу. После Неба это всё не то, всё нелепо, фальшиво, не то...

Оленька. Помнишь, эту сцену? Мы же здесь всё сами делали... Я сама красила. Помню, я тогда какой-то кислотой обожглась, а Никита меня в больницу возил. Пятно так и осталось, на память... Он говорил, похоже на облако...

Федя. Да, пожалуй, теперь здесь несколько мрачновато. Когда-нибудь археологи найдут это место и поймут причины гибели белорусской цивилизации. Или наоборот лет через сто очередные молодые храбрецы заберутся сюда, чтобы открыть новое Небо.

Лена. Лукашенко не даст.

Федя. Ты думаешь, он ещё будет.

Лена. Всего лишь пятнадцатый президентский срок... Конечно, будет.

Ваня. Куда пойдём?

Федя. В «Раковский бровар». Его ещё, надеюсь, не закрыли?

Ваня. Нет...

Федя. Прекрасно. Свежее пиво, жаркое. Помянем прошлые времена. Европа платит. Кстати, что у вас нового?

Оленька. Быков недавно умер. Мы были на похоронах, -- столько людей... Закрыли Белорусскую деловую газету, ту, в которую Никита всё время писал. Распустили Колосовский лицей. Много всего...

Федя. А у вас?

Оленька. И у нас много всего.

Лена. Мы едем? Тогда надо мужу позвонить.

Федя. Ты вышла замуж?

Лена. Да. Он занимается текстилем, зовут Отар.

Федя. Отар? Хм... А ты, Оленька?

Оленька. Нет. *(Пауза)*. Жаль Никиту...

Ваня. Оленька, можно тебя на секундочку? Слушай, хорошо, что мы встретились, а то я тебе не решался позвонить.

Оленька. Что?

Ваня. Понимаешь, мне сейчас работа нужна. Ты ведь знаешь, я о свадьбе думаю. А родители её говорят, сторож – это не работа. Знаешь, они хоть и деревенские, а запросы как у принцев...

Оленька. Не знаю, Ваня, у меня сейчас ничего нет...

Ваня. Можно не сейчас, можно не сейчас. Я ведь понимаю, фирма новая. Понимаю... Но если будет возможность водителем там, или ещё что нетрудное, ты уж вспомни.

Оленька. А ты помнишь, когда в первый раз меня сюда привёл?

Ваня. Помню. Я тогда сказал: пятно от компота на рубашку посадил.

Оленька. Пил и облился.

Ваня. А потом сказал, что ты красивая.

Оленька. Тогда у тебя пятно вот здесь было.

Ваня. А теперь вот здесь...

Оленька. Да, теперь вот здесь... Пойдём, нас Федя ждёт. Федя, мы идём. (*Уходя*). Так жаль Никиту...

Федя. Ничего. Ведь он получил то, что хотел. Кто ещё из смертных смог создать Небо?

XXXXVII.

Никита. Я до последнего момента не верил, что меня посадят. Но это ладно... Смешно другое, не смотря на все нарушения, за которые, вероятно, я должен был сидеть, меня посадили за самую что ни на есть честную предпринимательскую деятельность. Без изысков... Меня посадили за то, что я честно зарабатывал очень много денег. Но и это ладно... Страшно другое, что тебя так легко могут раздавить. Раз, и нет тебя... И никто не заметит, никто ничего не скажет... И всем до фени. И всё равно я бы не заплатил! Не заплатил! Если бы они меня резали – не заплатил бы!

А ведь Ленка, стерва, оказалась права. Она всегда во всём права... Я действительно, загнусь в подвале. Но это ладно...

Я люблю Беларусь, люблю Минск, люблю мой Автозаводской район. Я не люблю Беларусь за то, что это страна Скорины, Богдановича, Купалы, потому что я не читаю ни Купалу, ни Богдановича. Я не люблю её за то, что это страна тысяч озёр – я никогда не видел этих озёр. Не люблю за то, что это страна льна, потому что ношу американские джинсы. И не люблю её за то, что это страна «Песняров», потому что слушаю Мика Джаггера и Цезарию Эвора.

Но я люблю её за возможность попить пива на набережной Немиги, за тусовку у Макдональдса, за рынок «Динамо», где я покупаю мои американские джинсы, за красивых девушек, за брестскую водку, за филфак БГУ, много за что... И я просто очень любил смотреть как танцуют свободные люди.

Здесь многие говорят, что во всём виноват Лукашенко. Что я сижу здесь из-за него, из-за бюрократов, из-за диктатуры. Смешно. Глупо... Федя – политэмигрант, а я – политзаключенный. Но это не так. Я здесь потому, что у меня не хватило сил. Что у нас не хватает сил. У нас у всех не хватает сил...

**Май – 30 июня 2003 года.
Минск, Беларусь**